

Д.В. Возчиков*

**«Преданный государству гун» или
«национальный герой»?
Образ Вэнь Тяньсяна
в исторической памяти Китая**

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются основные аспекты конструирования образа крупного сановника, военачальника и поэта южносунской империи Вэнь Тяньсяна (1236–1283) на различных этапах истории Китая, начиная от эпохи Юань и кончая современностью. Автор прослеживает на примере храма Вэнь-чэнсян-цы эволюцию функций места памяти, связанного с Вэнь Тяньсяном.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вэнь Тяньсян; историческая память; династия Сун; династия Юань; китайский национализм; китайская историография.

Для конфуцианской цивилизации уже свыше двух тысяч лет характерны пристальное внимание к прошлому и осознание историописания как дела высокой государственной важности. Одним из наиболее значимых актов легитимации очередной новой династии в Китае было написание истории предшествующей династии [3, с. 25]. Большое значение как в официальной историографии Китая, так и в исторической памяти общества в целом имели и имеют конкретные места-символы, связанные с определёнными историческими персоналиями и событиями. Ещё патриарх китайского историописания Сыма Цянь завершил биографию Конфуция, включённую в «Исторические

---

* Возчиков Дмитрий Викторович, аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков, Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (УрФУ); ассистент кафедры востоковедения, Институт социальных и политических наук УрФУ, Екатеринбург, Россия; E-mail: catullus89@mail.ru

записки», рассказом о личном посещении храма на родине мудреца. «Я, — писал ханьский историк, — читал сочинения Конфуция и хотел представить его себе как человека. Для этого я отправился в Лу, где осмотрел в храме Чжун-ни и в его покоях одежду, повозку, ритуальные сосуды [мудреца] — всё то, что его последователи использовали для упражнений в обрядности и ритуале в его доме. Могу сказать, что я [с почтением] ходил там и был не в состоянии уйти» [7, с. 150, 151]. Сыма Цянь считал собственный опыт причастности к памятному месту значимым этапом создания целостного исторического образа.

Понятие исторической памяти включает обширный набор образов и представлений о минувшем, запечатлённых в общественном сознании. Отечественный исследователь О.С. Поршнева определяет феномен исторической памяти как «систему устойчивых представлений общества о прошлом, характеризующихся эмоциональностью, символичностью, ценностной окрашенностью, инерционностью» [6, с. 112]. Французский историк Пьер Нора оперирует термином «места памяти» и подчёркивает его полисемичность: «На самом деле они являются местами в трёх смыслах слова — материальном, символическом и функциональном, — но в очень разной степени <...> Три аспекта всегда сосуществуют» [8, с. 40]. Данная небольшая работа задаётся целью проследить эволюцию исторической памяти Китая, главным образом, формируемой правящими слоями, на примере такого места памяти, как Вэнь-чэнсян-цы 文丞相祠 (Храм чэнсяна (канцлера) Вэня) в Пекине, мало известного неспециалистам за пределами Китая, а также образа самого Вэнь Тяньсяна в источниках и историографии.

Храм Вэнь-чэнсян-цы посвящён Вэнь Тяньсяну 文天祥 (1236–1283) — сановнику, полководцу и одарённому поэту южносунской эпохи. Вэнь-чэнсян-цы представляет собой характерный пример действующего «места памяти» Китая, содержащего несколько уровней исторических смыслов, сопутствовавших в разные эпохи одной и той же персоналии. В настоящее время пекинский Храм чэнсяна Вэня, расположенный в хугуне Фусюэ, представляет собой небольшой храмово-музейный комплекс.

Основные источники по биографии Вэнь Тяньсяна включают как сочинения самого сановника — поэтические произведения и дневниковые записи, так и сочинения современников, тесно связанных с последним сунским чэнсяном. Дж. Джей отмечает большую степень самоуверенности и избирательности Вэнь Тяньсяна как автора и его несправедливое отношение к соперникам по стану «сунских лоялистов» — Ли Гинчжи (ум. после 1276), Чжан Шицзе (1236–1279), Чэнь

Ичжуну (ум. после 1285), а также подчёркивает, что личные толкования и предубеждения Вэня оказали огромное влияние на современников, поскольку его основные сунские соперники не оставили сколько-нибудь пространных сочинений [13, р. 591–594]. В 418-м цзюане *Сун ши*, династийной истории Сун, содержится *Вэнь Тяньсян чжуань* — официальное жизнеописание канцлера [18]. Этот документ во многом репродуцирует сформировавшийся в учёной среде образ Вэня. Работа над *Сун ши* была начата по распоряжению Хубилая, а завершена эта династийная история была в конце юаньского периода. Отечественный синолог С.Н. Гончаров в исследовании образа Цинь Гуя, чью биографию составителями династийной истории поместили в разряд «сановников-подлецов», указывал, что авторы *Сун ши*, «несмотря на контроль над составлением книги со стороны монголов, стремились <...> каким-то образом выразить национальные чувства народа, воспеть героев борьбы с иноземцами» [2, с. 170]. Составление раздела этого официального труда, включавшего биографии чиновников конца сунского периода, было поручено Оуян Сюаню (1283–1357), который, был уроженцем Лулина, а, стало быть, приходился Вэнь Тяньсяну земляком. Оуян также написал предисловие к запискам Ван Янью — одного из близких сподвижников Вэнь Тяньсяна [13, р. 597].

Вэнь Тяньсян родился в чиновной семье в Лулине, в современной провинции Цзянси. Он получил классическое конфуцианское образование, в 1256 г. удостоился первого места на экзамене на степень цзиньши. В *Вэнь Тяньсян чжуань* приводится символический эпизод из детства Вэня. После школьной церемонии поклонения портретам знаменитых земляков, посмертно причисленных к «преданным», — Оуян Сю, Ян Банъи и Ху Цюаня, — мальчик сразу проникся желанием после смерти сподобиться таких же почестей. Юный Вэнь сказал: «Если не смогу вместе с ними получать жертвы, не смогу и мужчиной считаться!» [18]. В наше время эта цитата помещена на стене музейного зала храма Вэнь-чэнсян-цы. Эта сценка достаточно явственно показывает значение локального уровня исторической памяти в сознании учёной элиты сунского Китая.

Вэнь Тяньсян принадлежал к группе молодых и амбициозных чиновников, выросших в условиях военного времени и противостоявших могущественному фавориту Цзя Сыдао [10, р. 925]. Вэню удалось добиться ряда высших постов в государственном аппарате империи Сун, включая пост чэнсяна (канцлера). Наделённый храбростью и огромным честолюбием, он был непреклонен в стремлении продолжать сопротивление державе монголов и постоянно конфликтовал с теми в имперской администрации, кого считал склонными к

компромиссу с Чингизидами. Так, в 1259 г. Вэнь Тяньсян потребовал немедленной казни влиятельного евнуха Дун Сунчэня, когда тот предложил перенести столицу империи в более безопасное место [10, р. 925]. В 1271 г. Хубилай провозгласил новую империю — Юань, претендуя на исключительную легитимность в Поднебесной. Во время нового похода монголов Вэнь Тяньсян проявил себя способным полководцем. В 1276 г. Вэнь был отправлен к юаньцам для переговоров о судьбе осаждённой монголами столицы. Он пытался выиграть время, но вступил с монгольским военачальником Баяном в ожесточённую перепалку и был взят в плен, но сумел бежать [10, р. 941]. После падения Линьбяня Вэнь Тяньсян вновь лично собрал отряды ополченцев [17, цз. 2, с. 298] и возглавил поход против монголов. Поход окончился поражением сунцев, а Вэнь был снова пленён юаньским полководцем Чжан Хунфанем.

Это произошло незадолго до гибели последнего сунского императора Чжао Бина в 1279 г. Вэнь Тяньсян был привезён в столицу Юань г. Даду (Пекин) и заточён в тюрьму, где написал поэму *Чжэнь цзи гэ* 正氣歌 («Песнь моему прямому духу» в переводе В.М. Алексеева [1, кн. 1, с. 528–533]). Несмотря на настойчивые предложения пойти на службу новой империи, Вэнь предпочёл до конца хранить верность Сун и был казнён 9 января 1283 г.

Жизнеописание Вэнь Тяньсяна в *Сун ши* заканчивается простран-ным нравоучительным выводом юаньских историков: «По его спокойному облику во время казни было видно: смерть была для него лишь возвращением к себе, и смерти он желал больше, чем жизни. И разве это нельзя назвать человечностью? Суны свыше трёхсот лет отбирали способных людей с помощью экзаменов, лучшими из способных были цзиньши, лучшими из цзиньши — лунькуи. Со времени смерти Тяньсяна нынешние любители высокопарных мудрствований говорят, что экзамены-де не годятся, чтобы выявить великого человека. Но неужели это правда?» [18]. Это аргументированное указание на полезность экзаменов следует рассматривать в контексте эволюции административной системы державы Юань. Прерванная с падением Сун экзаменационная практика была возобновлена в империи лишь указом от 1315 г., который давал официальное признание чжусианству и одновременно отводил свыше половины вакансий, а также упрощал саму процедуру для монголов и иностранцев, составлявших не более 3% населения [5, с. 22]. Очевидно, пример широко известного Вэнь Тяньсяна, в двадцать лет ставшего чжуаньюанем, был использован в тексте официального нарратива как аргумент авторов в пользу практики государственных экзаменов, которую юаньцы долгое время не желали возобновлять, опасаясь усиления китайской — в первую очередь, южнокитайской — бюрократии.

Юаньские авторы *Вэнь Тяньсян чжуань* писали о Вэнь Тяньсяне, сановнике, который предпочёл смерть служению новой империи, в подчёркнуто почтительной манере, принимая, по всей видимости, уже сложившийся в учёной среде образ полководца-поэта и представляя его каноническим конфуцианским героем. Такая историко-политическая операция — достаточно распространённый в конфуцианском мире ход, представляющий собой в некотором роде приручение побеждённого противника. Так, Ши Кэфа, руководивший сопротивлением маньчжурам и убитый цинскими солдатами в 1645 г., по-смертно пользовался покровительством властей империи Цин: при Цяньлуэ он «получил» храм возле своей могилы, и тот же император даровал ему титул «преданного и принципиального» [3, с. 216, 217].

Фигура Вэнь Тяньсяна как пример конфуцианской стойкости в XIV–XIX вв. пользовалась вниманием не только в Китае. Представляет интерес «Ответ „Песни моему прямому духу“ Вэнь Тяньсяна» — полемическое произведение японского автора Фудзиты Токо (1806–1855). Фудзита Токо интерпретировал «Песнь» в соответствии с учением своей школы Мито об исключительности Японии: по его мнению, представленное Вэнем китайское понятие *ци* изменчиво, так как в тексте поэмы оно проявляется в разных государствах Китая и в разных персонажах, в противоположность «неизменному» японскому *ки* [14, р. 147]. «Ответ» Фудзиты считается одним из текстов, определивших идеологические предпосылки Реставрации Мэйдзи. В саму эпоху Мэйдзи образ Вэнь Тяньсяна вновь оказался востребован японским интеллектуальным дискурсом. Видный синолог Саэки Ёсиро рассматривал подвиг служения китайского сановника Вэнь Тяньсяна как один из идейных истоков бусидо и «духа Ямато» [9, р. 146]. Персонажи классической конфуцианской героики Китая активно задействовались в конструировании японского национализма, а впоследствии — паназиатской идеи «восьми углов света под одной крышей». Ники Сёха, биограф адмирала Того Хэйхатиро, посвятил жизни и деяниям Вэнь Тяньсяна главу своего труда «Дух Японии и бусидо» (1934), рассчитанного на юношество [9, р. 186, 187]. Показательно, что это сочинение вышло в свет в знаменательный для экспансии Токио 1934 г., т.е. в год провозглашения японского континентального сателлита Маньчжоу-го империей. В пропагандистской брошюре Ники, очевидно, можно вновь наблюдать указанный выше приём исторического приручения.

С развитием китайского национализма — продукта синтеза традиционной синоцентрической картины мира с европейскими конструктами национального государства — в первой половине XX в. образ поэта-легитимиста приобрёл новое звучание. Отныне Вэнь Тяньсян

воспринимался не столько как до конца преданный законному государю подданный, сколько как национальный герой, и именно это понятие во многом до сих пор определяет его образ в современном Китае. На место монарха и государства-династии в конфуцианской иерархии служения была поставлена новая для Китая идея государства-нации. Такой образ чэнсяна Вэня пользовался популярностью во время Северного похода и Войны сопротивления. Видный деятель Гоминьдана Дэн Вэнь вспоминал, насколько важными символами для курсантов Академии Вампу, основанной в 1924 г., были имена прославленных полководцев и поэтов периода Сун. Дэн Вэнь свидетельствовал: «Чтобы дать курсантам Вампу реальные примеры, глядя на которые, они могли бы научиться воспитывать в себе чувство доблести и совершенствовать себя, подобно великим людям прошлого, начальник академии Цзян [Чан Кайши. — *Д.В.*] особо выделил двух великих мучеников — Юэ Фэя и Вэнь Тяньсяна, воплощавших идеал патриотической жертвенности» [12, р. 172]. Гоминьдан активно использовал образы сунских военачальников в качестве воспитательного и вдохновляющего примера. В 1948 г. в Гонконге вышла в свет историческая кинокартина «Душа страны», посвящённая подвигу Вэнь Тяньсяна. Фильм был высоко оценён Чан Кайши, заказавшим тридцать копий картины для войск на фронте, с точки же зрения коммунистов, «фильм пропагандировал верность Гоминьдану накануне победы коммунистов над Гоминьданом» [11, р. 11].

В современной китайской литературе по Вэнь Тяньсяну термины «национальный герой», «патриот» и т.п. — общие места. Сказанное особенно относится к трудам научно-популярного плана. В частности, Цзян Чжэнчэн в недавней книге о Вэнь Тяньсяне пишет: «Дух Вэнь Тяньсяна внёс богатый вклад в сокровищницу мысли и культуры китайской нации и оказал глубокое влияние на правила поведения и модели культуры китайцев» [15, с. 210]. Во введении к статье Ван Яньпина говорится о «патриотическом идеале» (爱国主义理想) Вэнь Тяньсяна [16, с. 25]. В последнее время, однако, среди китайских историков наметилась тенденция к преодолению ряда стереотипов, опрокинутых исторической памятью XX века в средневековые реалии. Крупный специалист по империи Юань профессор Фуданьского университета Юань Яо Дали замечает: «Вэнь Тяньсян, разумеется, — национальный герой нашей истории, но он никак не тот „национальный герой“ (民族英雄), каким его представляли последующие поколения. <...> Та идея национализма, за которую упорно держатся наши современники, не является древним и исторически неизменным понятием» [20]. Яо видит преобладание династийной идентичности над культурной (и тем более — этнической) в принятии Вэнь Тяньсяном решения до конца хранить верность Сун.

Особенности исторической памяти Китая выразились в эвгемеризме его синкретического пантеона. Термин *цы* (祠) обозначает тип китайских храмов, обычно посвящённых прославленным историческим деятелям, как в случае с храмом Вэнь-чэнсян-цы. Н.Я. Бичурин в исследовании религиозной практики Китая в цинский период так охарактеризовал специфику храмов-цы: «Цы строятся правительством в честь славных и добродетельных мужей для приношения жертв им по смерти» [4, с. 18]. Показательно, что некоторые мемориально-храмовые комплексы новейшего времени, например, Храм мучеников национальной революции в Тайбэе (國民革命忠烈祠), также именуется *цы*.

Автор статьи посетил Вэнь-чэнсян-цы в 2012 г. Храм было довольно непросто обнаружить посреди шумного хутуна в тот день. У его ворот расположился торговец с откормленными белыми кроликами. В самом храме, утонувшем в густом плюще, продолжался ремонт, но для посетителей он был открыт. Сам храм-цы был построен при Чжу Юаньчжане в 1376 г. на предполагаемом месте заточения Вэня, после чего многократно перестраивался. Из каменных элементов храма, относящихся к цинской эпохе, в храме представлено несколько стел, включая одну времени Канси с портретом «преданного государству гуна» Вэнь Тяньсяна. Современная белокаменная реплика этой стелы встречает посетителей сразу за входом в храм. Неподалеку от неё — ещё одна современная стела, но больших размеров, с текстом *Чжэн ци гэ*. В цинскую эпоху храм пользовался известным покровительством властей, но что касается *Чжэн ци гэ*, то маньчжур, по выражению В.М. Алексеева, «старательно изгоняли эту песнь из своих казённых антологий» [1, кн. 1, с. 525].

Посреди переднего, музейного зала храма-цы находится массивный бюст поэта. В музейном зале выставлены разные издания произведений Вэня и всевозможная литература о нём, включая пьесы пекинской оперы, а также каллиграфические надписи, включая почтительный отзыв Мао Цзэдуна о Вэнь Тяньсяне. На стенах — биография Вэня со ссылками на его официальное жизнеописание и карты сунско-юаньских боевых действий.

Растительный код широко применяется в китайской картине мира. Во внутреннем дворе собственно храмовой части *цы* растёт старое дерево-жужуба, посаженное, согласно традиции, самим канцлером. Прямо за жужубой — открытый для поклонения обрядовый зал (*чжэндянь* 正殿) со статуей Вэнь Тяньсяна. В тот день у статуи стояло несколько бутылок и банок — приношение сановнику и поэту, в молодости любившему шумные пиршества. Изогнутый ствол жужубы наклонён к югу. В 1276 г. Вэнь Тяньсян, возвращаясь во владения

Сун, написал стихотворение «Река Янцзы»: «Моё сердце точно компас, / Та магнитная иголка, / Что не кончит колебаться, / Пока к югу не укажет!» (臣心一片磁针石, 不指南方不肯休) [19, с. 89]. Сейчас эти строки можно прочитать на табличке рядом с древней жужубой в Вэнь-чэнсян-цы. В ярком образе поэт-воин выразил стремление во что бы то ни стало продолжить сопротивление Хубилаю. Сердце савновника обращено к югу — месту пребывания сунского императора.

В современной исторической памяти Китая традиционные для конфуцианского восприятия истории схемы тесно переплетаются с идеями и понятиями, развитыми уже в XX в. В целом, можно заметить, что интерпретация яркого исторического образа Вэнь Тяньсяна на уровне коллективной памяти, конструируемой политической элитой Китая, претерпела значительные метаморфозы. Персоналии и события средневековой истории и, в частности, эпохи Сун, воспринимаются в современном Китае в качестве вполне актуальных образов. Двойственная природа места памяти явственно видна на примере двух залов храма-музея Вэнь Тяньсяна, воплощающих два дискурса восприятия минувшего — вестернизированный музейный и классический храмовый.

Литература

1. *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе. В 2 кн. М., 2002.
2. *Гончаров С.Н.* О Китае средневековом и современном: записки разных лет. Новосибирск, 2006.
3. *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002.
4. *Иакинф (Бичурин Н.Я.)*. Описание религии учёных. Пекин, 1906.
5. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.
6. *Поршнева О.С.* Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург, 2005. Вып. 4. С. 112–119.
7. *Сьма Цянь.* Исторические записки («Ши цзи»): Т. VI / Пер. с кит., предисл. и коммент. *Р.В. Вяткина.* М., 1992.
8. Франция-память / *П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок*; Пер. с фр. *Д. Хапаевой*; Науч. конс. пер. *Н. Косонов.* СПб., 1999.
9. *Venesch O.* Inventing the Way of the Samurai: Nationalism, Internationalism, and Bushido in Modern Japan. Oxford, 2014.
10. The Cambridge History of China, Vol. 5: The Sung Dynasty and Its Precursors, 907–1279. Part 1 / ed. by *D. Twitchett* and *P.J. Smith.* Cambridge and New York, 2009.
11. *Chu Yingchi.* Hong Kong Cinema: Coloniser, Motherland and Self. London, 2003.

12. Green C. Turning Bad Iron into Polished Steel: Wampoa and the Rehabilitation of the Chinese Soldier // Beyond Suffering: Recounting War in Modern China / ed. by J. Flath and N. Smith. Vancouver, 2011. P. 153–185.

13. Jay J.W. Memoirs and Official Accounts: the Historiography of the Song Loyalists // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1990. Vol. 50, № 2. P. 589–612.

14. Ogawa Tadashi. Mencius and Fujita Toko. A Confrontation with Mencius on the qi/ki and the dao/dō // The Book of Mencius and its Reception in China and Beyond / Ed. by Chun-chieh Huang, G. Paul, H. Roetz. Wiesbaden, 2008. P. 146–158.

15. Бисюэ даньсинь – Вэнь Тяньсян 碧血丹心 – 文天祥 («Яшмовая кровь, преданное сердце» – Вэнь Тяньсян) / Цзян Чжэнчэн чжубянь 姜正成主编 (Под ред. Цзян Чжэнчэна). Пекин, 2013.

16. Ван Яньпин 王艳平. Вэнь Тяньсян дэ чжунсяо чжи нянь юй чучу чжи сы – цзяньлунь Вэнь Тяньсян шигэ чуанцзо дэ доюань чжугуи цюйсян 文天祥的忠孝之念与出处之思 – 兼论文天祥诗歌创作的多元主题取向 (О взглядах Вэнь Тяньсяна на преданность, служение и уединение, а также к вопросу о множественности направлений поэтического творчества Вэнь Тяньсяна) // 宁波广播电视大学学报 宁бо гуанбо дяньши дасюэ сюэбао (Известия Нинбоского университета радио и телевидения). 2009. Сентябрь. Т. 4. Вып. 3. С. 25–33.

17. Хэ Чжунли 何忠礼. Наньсун цюаньши 南宋全史 (Полная история Южной Сун). Шанхай, 2011.

18. Сун-ши. Цюань сы бай и ши ба Сун-ши. Вэнь Тяньсян чжуань / Юань. Тото дэн 宋史. 卷四百一十八. 文天祥传/元. 脱脱等 (История Сун. Цюань 418. Жизнеописание Вэнь Тяньсяна / Юань. Тогто и др.) [Электронный ресурс]: <http://www.guoxue123.com/shibu/0101/00songs/417.htm> (дата обращения: 28.10.2014).

19. Вэнь Тяньсян цзи 文天祥集 (Собрание сочинений Вэнь Тяньсяна). Тайюань, 2008.

20. Яо Дали 姚大力. Мянчэо гуго дэ чжунчэн: мэн Юань меван хоу дэ «иминь»мэнь 面朝故国的忠诚: 蒙元灭亡后的“遗民”们 (Преданность родному государству: сохранившие верность монгольской [империи] Юань после её гибели) [Электронный ресурс]: <http://history.news.163.com/special/00013PNN/vol13.html> (дата обращения: 10.11.2014).

D. V. Vozchikov*

«A Loyal Gong» or «a National Hero»?

Wen Tianxiang's image in the Chinese Historical Memory

ABSTRACT

The article analyzes the basis aspects of the construction of Wen Tianxiang's (1236–1283) image in different historical periods from the Yuan dynasty till the contemporary times. The author of the article also traces the evolution of the functions of places of memory, observing Wen-

chengxiang-ci, a shrine, devoted to a prominent general, dignitary and a poet of the Southern Song Empire.

KEYWORDS

Wen Tianxiang, historical memory, Song Dynasty, Yuan Dynasty, Chinese nationalism, Chinese historiography

* Vozchikov Dmitry Viktorovich, Ural Federal University (UrFU), Institute of Humanities and Arts (Yekaterinburg, Russia). E-mail: catullus89@mail.ru